

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.069
УДК 821.161.1-14 Ахматова + 82.091

А. М. Меньщикова
*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

Т. А. Снигирева
*1) Уральский федеральный университет
2) Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия*

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ В ОСМЫСЛЕНИИ АННЫ АХМАТОВОЙ

В статье предпринята попытка аналитического описания темы поэтического поколения в творчестве Анны Ахматовой. Предлагаемое исследование учитывает методологию и методику анализа литературного поколения, предложенную в свое время В. С. Варшавским, характеризуя те уровни, при помощи которых можно описать лицо поколения: мирозерцательный, общественный, политический, социально-экономический, исторический.

Однако специфика материала позволила авторам, во-первых, активнее подключить категорию творческого поведения, во-вторых, сосредоточиться на своеобразной «драме местоимений» в лирике А. Ахматовой как одном из приемов воплощения поколенческой темы и поэтике незавершенного, свойственной позднему творчеству, в рамках которого обнаруживается то новое, что предложила Ахматова в традицию отечественной словесности при разработке темы литературных поколений.

В результате разработки названных научных сюжетов делается вывод о том, что в позднем творчестве, одной из главных ценностей которого становится память, А. Ахматова настаивает на повторяемости и, как следствие, незавершенности жизни, судьбы, поэзии, которые вновь и вновь являют себя в новых поколениях. В этом смысле творческое поведение А. Ахматовой и ее поэзия существенно корректируют русскую традицию осмысления судьбы каждого поэтического поколения как исключительно трагическую, что прямо отсылает к ее поэтической концепции непобедимости поэтического слова.

Ключевые слова: Анна Ахматова; поэтическое поколение; творческое поведение; «судьба местоимений»; память; поэтика незавершенного.

Так сложилось в истории русской литературы, что каждому новому, в том числе поэтическому, поколению «отпускается» короткий век — не более десяти лет. Этой мыслью пронизана книга В. С. Варшавского «Незамеченное поколение» и вся обширная литература, ей посвященная: «У литературного или исторического поколения обычно короткий век, десять лет, от силы пятнадцать, и на авансцене оно сменяется следующим» [Варшавский, с. 5]; «Обыкновенно поколение отмечается тем десятилетием, в течение которого оно, так сказать,

“действует”, окрашивая эти годы своим собственным, присущим только этому поколению цветом, — отсюда “люди сороковых годов”, шестидесятники, семидесятники и т. д.» [Варшавский, с. 370].

Давид Самойлов в предисловии «Времена Ахматовой» к книге 1989 г. «Я — голос ваш...» (одной из первых, в которой были опубликованы и «Реквием», и один из ранее не публиковавшихся вариантов «Поэмы без героя») также замечает: «Ахматова старше моих поэтических ровесников на тридцать лет и на три поэтических поколения» [Самойлов, с. 5] и конкретизирует свою мысль: «Поэтические поколения формируются обычно лет десять. По какой-то опять-таки странности в России этот срок совпадает с хронологическими десятилетиями: поэты девяностых, десятых, двадцатых годов. Потом поколения распадаются, и растут уже отдельные поэты, сколько кому судьба отпустит жизни и писания стихов» [Там же, с. 7]. В случае с Ахматовой ее «привязка» к поколению только «десятих годов» жестко усугубляется хорошо известными внелитературными причинами, которые также проговариваются Д. Самойловым: «Даже мы, молодые поэты, именовавшие себя “поколением сорокового года” — Кульчицкий, Коган, Слуцкий, Наровчатов, — не числили ее в действующей поэзии, а где-то в прошлом, в истории литературы. Мы, конечно, прочитали и наизусть знали стихи из ее первых книг. Благодаря многим обстоятельствам нашего литературного воспитания, уже сложился некий стереотип в восприятии ее творчества. Его не могли побороть даже незнакомые нам стихи из довоенных “Шести книг”» [Там же, с. 13].

В августе 1961 г. Ахматова сама высказывает озабоченность заключением Штаммлера, в своей работе отводящего ей одно десятилетие (1912–1922): «...и я оказываюсь современницей Блока и Гумилева, т. е. на поколение старше Мандельштама (1938) и Цветаевой (1941). Он не догадывается, что и Постановления 46 г. не могло быть, если бы мои стихи не были связаны с текущей поэзией» [Ахматова, 1996, с. 147].

Мысль о жестких хронологических сроках литературного поколения обычно сопровождается не менее устойчивой и характерной для отечественной словесности мыслью о трагической судьбе каждого из называемых поколений. Причем это свойственно как героям генерации, так и тем, кто осмысляет ее судьбу. Достаточно вспомнить знаменитый мартиролог И. Бунина или финал «Нездешнего вечера Цветаевой»: «...все заплатили. ...Гумилев — жизнью, Есенин — жизнью, Кузмин, Ахматова, я — пожизненным заключением в самих себе, в этой крепости — вернее Петропавловской» [Цветаева, с. 481].

Трагизм судьбы поколения может усугубляться его «незамеченностью» и/или «недооцененностью»: «Пушкин при жизни мало кому был понятен и убит. Лермонтов (“собаке — собачья смерть” — слова Николая I), Полежаев, Рылеев, Достоевский. А Осип Мандельштам? Какова судьба Анны Ахматовой? Что делает, что пишет Б. Пастернак?» [Варшавский, с. 346], — или подсвечиваться трагизмом жизненной судьбы и особыми обстоятельствами литературной действительности, ср. размышления о судьбах «шестидесятников»: «Но при этом

нельзя забывать и то печальное обстоятельство, что многих из тех, кто в трудных для себя условиях не захотел собирать чемоданы, настигла преждевременная смерть. Андрей Битов, размышляя над мучительными соотношениями (“Сколько уехало и сколько осталось? Сколько умерло и сколько выжило?”), обнаружил почти систему: один отъезд — одна смерть... Можно выстроить два жутких столбика бок о бок: “уехали — умерли”. Фамилий и впрямь в избытке — как для первого ряда, так и для второго, еще более печального: В. Шукшин, Н. Рубцов, А. Вампилов, Ю. Казаков, Г. Шпаликов, В. Высоцкий...» [Быков, Подчиненов, Снигирева, с. 72].

Поколенческая тема — одна из важнейших в творчестве Анны Ахматовой. В «Прозе о поэме» она, наряду с очередной попыткой осмыслить «Поэму без героя», ее явные и потаенные слои, также составляет мартиролог своего поколения: «Начинаю думать, что “Другая”, откуда я подбираю крохи в моем “Триптихе” — это огромная, мрачная, как туча — симфония о судьбе поколения и лучших его представителей, т. е. вернее обо всем, что нас постигло. А постигло нас разное: Стравинский, Шаляпин, Павлова — слава, Нижинский — безумие, Маяковский/, Есен/ин/, Цвет/аева/ — самоубийство, Мейерхольд, Гумилев, Пильняк — казнь, Зощенко и Мандельштам — смерть от голода на почве безумия и т. д., и т. п. (Блок, Хлебников...)» [Ахматова, 1998, т. 3, с. 240]. Лирика подтверждает восприятие А. Ахматовой своего поколения как трагического, из которого, как было понято поэтом на склоне лет, «Все ушли, и никто не вернулся...» [Там же, с. 279]. И если первое стихотворение цикла «Венок мертвым» обращено к памяти Учителя, имя которого отсылает к десятым годам двадцатого века, то второе стихотворение посвящено своему поколению, в это время о себе заявившему:

De profundis... Мое поколение
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленье,
Только память о мертвых поет.

...

Две войны, мое поколение,
Освещало твой страшный путь.
1944

[Ахматова, 1989, с. 206]

Поколенческий аспект в творчестве А. Ахматовой заявляет о себе, кроме прямо считываемого с «открытого текста» смысла, сложной «судьбой местоимений». «Драма местоимений»: их союз, конфликт, распад, взаимозаменяемость — сосредоточены в сложных взаимоотношениях «я» и «мы» в поэзии Ахматовой и явили себя весьма отчетливо, что вполне объяснимо и естественно, в годы Первой мировой войны:

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,

Так, что сделался каждый день
Поминальным днем...
1915

[Ахматова, 1989, с. 63]

И. Бродский один из немногих, если не единственный, кто усмотрел в «неожиданном» обращении А. Ахматовой к «мы» суть и сущность ее поэтического дара: «Ее стихи не стали гласом народным лишь потому, что никогда народ не говорит на один голос. Но голос Ахматовой не принадлежал к сливкам общества, в нем напрочь отсутствовало обожествление народной массы, вьвшееся в кровь и плоть русской интеллигенции. Возникшим около этого времени в ее стихах “мы” она пыталась укрыться от враждебного равнодушия истории, и не она — другие носители языка расширили смысл местоимения до лингвистического предела. Будущее удержало “мы” навсегда и укрепило позицию тех, кому оно принадлежало» [Бродский, с. 66].

Тема «поэтического поколения», «поэтического братства, единства» — та тема, в которой диалектика взаимоотношения «я» и «мы» приобретает особую многомерность и потаенные глубины¹.

Это прежде всего определение общей миссии поэтов в этом мире и предначертанности судьбы, в котором поколенческое «мы» сливается с индивидуальным «я»:

Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены — и это знаем сами —
Мы расточать, а не копить.

[Ахматова, 1989, с. 69]

Пусть так. Без палача и плахи
Поэту на земле не быть.
Нам покаянные рубахи,
Нам со свечой идти и выть.
1935?

[Там же, с. 264]

Размышляя о своем поэтическом поколении и его судьбе, в стихотворении, посвященном О. Мандельштаму, А. Ахматова подтвердит общность судьбы:

Это наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой,
Это плещет Нева о ступени,
Это пропуск в бессмертие твой.
1957

[Там же, с. 208]

¹ О системе местоименной функциональности в поэзии А. Ахматовой см. подробнее [Снигирева, 2004а; 2004б].

Та же мысль выражена и в стихотворении, посвященном М. Цветаевой:

Мы с тобою сегодня, Марина,
По столице полночной идем,
А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет,
А вокруг погребальные звоны,
Да московские дикие стоны
Вьюги, наш заметающей след.
1957

[Ахматова, 1989, с. 208]

Тема поэтического поколения вбирает в себя тему общей памяти культуры, о чем свидетельствуют все стихотворения, выполненные в жанре «на смерть поэта»:

Принесли мы Смоленской заступнице,
Принесли пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, —
Александра, лебедя чистого.
1921

[Там же, с. 134]

Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник рощ.
1960

[Там же, с. 209]

Не странно ли, что знали мы его?
Был скуп на похвалы, но чужд хулы и гнева.
1921

[Там же, с. 262]

Единство мертвых и живых поэтов перед лицом вечности для А. Ахматовой несомненно. В стихотворении «Нас четверо» поэт ощущает умерших неотъемлемой частью своей и всеобщей жизни, поскольку убеждена:

Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...

[Там же, с. 166]

Переключка на «воздушных путях» поэзии и духовности дает силы отступить «от земного всякого блага», спокойно принять смерть:

Все мы немного у жизни в гостях,
Жить — это только привычка.
1961

[Там же, с. 209]

Материалы записных книжек, в которых А. Ахматова нередко размышляет о механизмах памяти и времени, позволяют говорить о синонимичности для поэта понятий «поколение», «современники» (зачастую в значении «свидетели эпохи»). При этом слово *свидетель* оказывается оценочным, что подтверждает ряд контекстов. В одной из записей, включающих характеристики, даваемые «Поэме без героя» слушателями, А. Ахматова приводит слова М. Зенкевича, помещая в заключении характеристику-подпись «отзыв современника»: «Поэма — трагическая симфония. Каждое слово прошло через автора. В поэме никаких личных счетов и даже никакой политики. Это поверх политики. Очень похоже. (отзыв современника)» [Ахматова, 1996, с. 134]. Другой пример: «М. б. никто так глубоко не понял и так тонко и верно не изобразил Вячеслава Иванова, как Бердяев, но говорит о нем с точки зрения современника и *не поэта*» [Там же, с. 152].

Другой характеристикой представителей поколения начала века в творчестве Ахматовой нередко оказывается «бестелесность»: в качестве героев выступают тени, появляющиеся «под видом ряженных». Показательно, что стихотворение «Современница» (1940) первоначально называлось «Тень»:

Всегда нарядней всех, всех розовей и выше,
Зачем всплываешь ты со дна погибших лет? —
И память хищная передо мной колышет
Прозрачный профиль твой за стеклами карет.

[Ахматова, 2000, т. 4, с. 244]

«Поэма без героя», пространство которой с каждой из девяти известных редакций вмещает все большее число имен, аллюзий и интертекстуальных отсылок, включая прозаические фрагменты, оставшиеся в «Прозе о Поэме», позволяет наиболее полно проиллюстрировать работу механизмов памяти, затрагивавшей образы ахматовского поколения. В качестве примера можно посмотреть на варианты прозаической ремарки к Главе четвертой и последней Части первой «Девятьсот тринадцатый год. Петербургская повесть».

Впервые ремарка появляется в структуре «Поэмы» в пятой редакции и с минимальными изменениями остается в следующих редакциях. В первой версии 1956 года выглядит так: «...Угол Марсова Поля. Дом, построенный в начале 19 в. бр. Адамины, в кот. будет прямое попадание авиабомбы в 1942 г. (Бюро Добычиной). Новогодняя ночь. Горит высокий костер. Слышен колокольный звон от Спаса на Крови. На Поле за метелью призрак зимнедворского бала. Полонез» (стертое впоследствии продолжение: «По улице совершенно реально возвращаются в свои казармы курносые павловцы. Поют») [Крайнева, с. 316]. Любопытно сравнить этот текст с материалами в записной книжке, датированными декабрем 1961 г., когда поэт вновь возвращается к зимнему петербургскому маскараду 1913 г., вплетая в его образы упоминание об эссе М. Цветаевой «Нездешний вечер», написанном в 1936 г. Вся ремарка полностью повторяется, невычеркнутым остается предложение о павловцах и появляется бесконечная

галерея представителей поколения Серебряного века, предстающих в качестве образов, в том числе — сценических, созданных художниками: «В окна “Бюро Добычиной” смотрят, ненавязчиво мелькая, ожившие портреты: Шаляпин в шубе, Мейерхольд (Григорьева), А. Павлова — лебедь, Тамара Карсавина, Саломея, Ахматова Альтмана, Лурье Митурича, Кузмин, Мандельштам Митурича, Гумилев Гончаровой, Блок Сомова, молодой Стравинский, Велимир I, Маяковский на мосту, видно, как Городецкий, Есенин, Клюев, Клычков пляшут “русскую”, там “башня” В. Иванова (есть, Фауст, казнь), будущая Мать Мария — Лиза Караваяева читает “Скифские черепки”. <...> (Марина встречает 1913 год у Чацкиной — Нездешний вечер). Фауста уводит Мефистофель, Дон Жуан проваливается вместе с Командором. Блока уводят какие-то 12 человек. Мейерхольда — двое. <...> Вот они и прорвались...в “Триптих”. <...> Плохо, конечно, что в таком виде число этих персонажей ничем не ограничено. Каждый может почудиться прохожему в оснеженном волшебном новогоднем окне» [Ахматова, 1996, с. 174]. Черета портретов, превращающаяся в образы плясок, встреч на знаменитой «башне» В. Иванова, действительно, не предполагает конца («число персонажей ничем не ограничено» и «Читатели и зрители могут по желанию включить в это избранное общество всех, кого захотят. Например, Распутина, которому Судьба в виде шарманщика показывает его убийство») [Там же, с. 175].

Примером незавершаемой вариативности в поэтических строках «Поэмы» может служить знаменитая полустрофа из Части первой, в поздних редакциях увеличившаяся вдвое, по сравнению с первыми вариантами:

Этот Фаустом, тот Дон-Жуаном,
А какой-то еще с тимпаном
Козлоногую приволок.
(первая редакция, 1942 год)

[Крайнева, с. 166]

Этот Фаустом, тот Дон-Жуаном,
Дапертутто, Иоканааном;
Самый скромный — северным Гланом,
Иль убийцею Дорианом
И все шепчут своим Дианам
Твердо выученный урок.
(девятая редакция, 1963 год)

[Там же, с. 591]

Общеизвестно, что за псевдонимом Дапертутто скрывается Всеволод Мейерхольд, которого в прозаической ремарке, приведенной выше, «уводят двое». Важно, что узнаваемые маски современников А. Ахматовой оказываются рядом с литературными героями, связанными с ее поколением (можно предположить, что за упоминанием героя К. Гамсуна «северного Глана» скрывается аллюзия на раннего Н. Гумилева). Фауст и Дон-Жуан, позволяющие выстроить долгий ассоциативный ряд, включающий А. Блока и Б. Пастернака, безусловно,

символизируют важнейшую для «Поэмы без героя» и для восприятия поэтом судьбы своего поколения тему возмездия.

Нарращение собственных имен в полустрофе, за которыми стоят литературные сюжеты и называемые А. Ахматовой прототипы, кажется синхронным прозаическим строкам из записных книжек. Образы представителей поколения, мысли о его судьбе, стремление вспомнить и закрепить память в поэтическом слове обуславливают возвращения Ахматовой в различные точки видения: «башню 40-го года», когда уже известно место встречи М. Цветаевой 1913 г. (канун 1914 г., оборачивающегося 1941 г.). Тема поколения становится для поэта одним из способов выполнения поэтической миссии, а также воплощения незавершённой, постоянно обновляющейся работы механизмов памяти.

В конце 1950-х и в 1960-е гг. принадлежность к поколению, ставшему свидетелем и жертвой «некалендарного двадцатого века» позволяет Ахматовой связывать десятилетия, отмеченные появлением объединений молодых поэтов: с одной стороны, поэтических группировок 1910-х гг. (в первую очередь, акмеистов, во многом унаследовавших традиции «золотого века»), с другой — «волшебного хора», «ахматовских сирот» (круга поэтов, в который входили А. Найман, Е. Рейн, И. Бродский и Д. Бобышев). А. Найман, говоря о причинах притяжения молодых людей «вроде него» к А. Ахматовой, обращает внимание именно на поколенческий аспект: «Она являла собой живой и в тогдашнем представлении безызыанный символ связи времен <...> [Молодому человеку] нужно, чтобы его позицию одобрил не только “текущий момент”, но и “века”. Так действует механизм преемственности» [Найман, с. 22].

Молодыми поэтами, очевидно, был воспринят историзм, в высшей степени свойственный А. Ахматовой, на протяжении нескольких последних десятилетий жизни выстраивавшей и осмыслявшей собственную биографию. Показательны воспоминания Бродского, свидетельствующие о специфике ее взгляда, позволяющего замечать и устанавливать не только связи настоящего с прошлым, но и осмыслять различные пласты исторического прошлого, обновляющегося в связи с наступившим моментом: «Анна Андреевна считала, что имеет место как бы второй Серебряный век» [Волков, с. 297]; «...возникла группа, по многим признакам похожая на пушкинскую “Плеяду”. То есть примерно то же число лиц: есть признанный глава, признанный ленивец, признанный остроумец. Каждый из нас повторял какую-то роль. Рейн был Пушкиным. Дельвигом, я думаю, скорее всего был Бобышев. Найман, с его едким остроумием, был Вяземским. Я, со своей меланхолией, видимо, играл роль Баратынского» [Там же, с. 298].

Очевидно, что, будучи неотъемлемой частью темы судьбы поколения, тема судьбы поэтического поколения постоянно расширяет свои границы, что отчетливо проявляет себя в «Северных элегиях», в которых с наибольшей ясностью, глубиной и цельностью (хотя и создавались они на протяжении сорока лет) воплощена поэтическая мысль А. Ахматовой об ужасе и силе «бега времени», мысль, в рамках которой «мы» как знак слиянности несет особую нагрузку — общности бессилия перед лицом «равнодушной природы» и «красотой вечности»:

Шестая элегия
(«Есть три эпохи у воспоминаний...»)

Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названия городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает — мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку Бог послал,
Прекрасно обошлись без нас — и даже
Все к лучшему..
1945

[Ахматова, 1989, с. 219]

Однако при всем трагизме неотвратимости забвения и неостановимости «бега времени», в приведенном фрагменте — примере «беспощадного интеллектуализма поэзии Ахматовой» (определение Д. Самойлова), — столь же отчетливо звучит и беспощадная ирония поэта, которой особо окрашены и творчество, и творческое поведение поздней А. Ахматовой. Так, зафиксировано два варианта автобиографического вписывания А. Ахматовой себя в свое время и в свое поколение, выполненных в противоположных модусах: официальном («Я родилась 11 (23) июня 1889 года под Одессой...» (фрагмент «Коротко о себе») [Ахматова, 2001, т. 5, с. 236]) и личностно-ироничном («Я родилась в один год с Чарли Чаплином, “Крейцеровой сонатой” Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом» (фрагмент «Будка») [Там же, с. 164]).

Позднее творчество А. Ахматовой, одной из главных ценностей которого оказывается память, в какой-то мере побеждает время («время — прочь, и пространство — прочь») горько-ироничным приемом обнажения повторяемости и, как следствие, незавершенности жизни, судьбы, поэзии, которые вновь и вновь являют себя в новых поколениях. В этом смысле творческое поведение Ахматовой и ее поэзия существенно корректируют русскую традицию

осмысления судьбы каждого поэтического поколения как исключительно трагичного, что прямо отсылает к ее поэтической концепции непобедимости поэтического слова.

Ахматова А. А. «Я — голос ваш...». М. : Кн. палата, 1989.

Ахматова А. А. Записные книжки (1958–1966). М. ; Torino : Giulio Einaudi editore, 1996.

Ахматова А. А. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Эллис Лак, 1998–2005.

Бродский И. Скорбная муза // Юность. 1989. № 6. С. 65–71.

Быков Л. П., Подчинов А. В., Снигирева Т. А. Русская литература XX в.: проблемы и имена. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1994.

Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына : Рус. путь, 2010.

Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М. : Эксмо, 2012.

Крайнева Н. И. «Я не такой тебя когда-то знала»: Анна Ахматова. Поэма без героя. Проза о Поэме. наброски балетного либретто : материалы к творческой истории. СПб. : Миръ, 2009.

Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой. М. : АСТ : Зебра Е, 2008.

Самойлов Д. Времена Ахматовой // Ахматова А. А. «Я — голос ваш...». М. : Кн. палата, 1989. С. 5–17.

Снигирева Т. А. Феномен «поздней» Ахматовой // Творчество А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева в контексте русской поэзии XX века : материалы междунар. науч. конф. / Л. Г. Кихней. Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2004а. С. 55–65.

Снигирева Т. А. «Я» и «мы» в поздней лирике Анны Ахматовой // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности : материалы междунар. конф. «Язык. Система. Личность» / [ред.] Т. А. Гридина. Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2004б. С. 109–117.

Цветаева М. И. Поэзия. Проза. Драматургия. М. : СЛОВО/SLOVO, 2000.

Статья поступила в редакцию 15.09.2016 г.

Меньщикова Анна Манасовна

аспирант кафедры русской литературы XX и XXI вв.

Уральский федеральный университет

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: menanman@rambler.ru

Снигирева Татьяна Александровна

профессор кафедры русской литературы XX и XXI вв.

Уральский федеральный университет

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

ведущий научный сотрудник сектора истории литературы

Институт истории и археологии

УрО РАН

620990, Екатеринбург,

ул. Софьи Ковалевской, 16

E-mail: tas0905@rambler.ru

Menshchikova, Anna Manasovna

PhD Student, Department of Russian Literature of the 20th and 21st Centuries

Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia

E-mail: menanman@rambler.ru

Snigireva, Tatyana Aleksandrovna

Professor, Department of Russian Literature of the 20th and 21st Centuries

Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia

Leading Researcher, Department of the History of Literature

Institute of History and Archaeology,

Ural Branch of RAS

16, Sofia Kovalevskaya Str.,

620990 Yekaterinburg, Russia

E-mail: tas0905@rambler.ru

POETIC GENERATION AS VIEWED BY ANNA AKHMATOVA

The article attempts to analytically describe the theme of a poetic generation in the works by Anna Akhmatova. The study considers the methodology and methods of analysis of a literary generation, proposed by V. S. Varshavsky, describing the levels in which the image of a generation can be described: its worldview, social, political, economic, as well as historical levels.

However, the character of the material allowed the authors to actively use the category of creative behaviour, and, secondly, to focus on the “drama of the pronouns” in Akhmatova’s lyrical poetry as one of the methods of the generational theme realization, and on the poetics of incompleteness that characterises her later works, where one can find the new things that Akhmatova introduced into the Russian literary tradition when developing the topic of literary generations.

Following the analysis, the authors conclude that in her later works, whose value is memory, Akhmatova insists on the repeatability and, as a consequence, the incompleteness of life, fate, and poetry, which manifest themselves in new generations over and over again. In this sense, Akhmatova’s creative behaviour and her poetry modify the Russian tradition of reflection on the fate of every poetic generation as exceptionally tragic that directly refers to her poetic concept of the invincibility of the poetic word.

Key words: Anna Akhmatova; poetic generation; creative behaviour; “fate of pronouns”; memory; poetics of incompleteness.

Akhmatova, A. A. (1989). *“Ya — golos vash...”* [“I’m Your Voice”]. Moscow: The Central Institute of Bibliography. (In Russian)

Akhmatova, A. A. (1996). *Zapisnye knizhki (1958–1966)* [Notebooks by Anna Akhmatova (1958–1966)]. Moscow; Turin: Giulio Einaudi Editore. (In Russian)

Akhmatova, A. A. (1998–2005). *Sobranie sochinenii* [Collected Works] (Vols. 1–6). Moscow: Ellis Lak. (In Russian)

Bykov, L. P., Podchinenov, A. V., & Snigireva, T. A. (1994). *Russkaia literatura XX v.: problemy i imena* [Russian Literature of the 20th Century: Issues and Names]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Krayneva, N. I. (2009). *«Ya ne takoi tebia kogda-to znala»: Anna Akhmatova. Poema bez geroia. Proza o Poeme. Nabroski baletnogo libretto: materialy k tvorcheskoi istorii* [Anna Akhmatova. Poem without a Hero. Prose on the Poem. Drafts of the Ballet Libretto: Materials on the Creative Story]. Saint Petersburg: Mir. (In Russian)

Naiman, A. (2008). *Rasskazy o Anne Akhmatovoi* [Stories about Anna Akhmatova]. Moscow: AST: Zebra E. (In Russian)

Samoylov, D. (1989). *Vremena Ahmatovoj* [Akhmatova’s Times]. In A. A. Ahmatova, *“Ja — golos vash...”* [“I’m Your Voice...”] (pp. 5–17). Moscow: Knizhnaja palata. (In Russian)

Snigireva, T. A. (2004a). Fenomen «pozdney» Akhmatovoi [The Phenomenon of “Later” Akhmatova]. In L. G. Kikhnej, *Tvorchestvo A. A. Akhmatovoi i N. S. Gumileva v kontekste russkoi poezii XX veka* [Anna Akhmatova’s and Nikolay Gumilev’s Works in the Context of Russian Poetry of the 20th Century] (pp. 55–65). Tver: Tver State University Press. (In Russian)

Snigireva, T. A. (2004b). «Ya» i «my» v pozdney lirike Anny Akhmatovoi [“I” and “We” in Anna Akhmatova’s Late Lyrical Poetry]. In T. A. Gridina (Ed.), *Problemy iazykovoi kontseptualizatsii i kategorizatsii deistvitel’nosti* [Issues of the Linguistic Conceptualisation and Categorisation of Reality] (pp. 109–117). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press. (In Russian)

Tsvetayeva, M. I. (2000). *Poeziia. Proza. Dramaturgiia* [Poetry. Prose. Dramaturgy]. Moscow: Slovo. (In Russian)

Varshavsky, V. S. (2010). *Nezamechennoe pokolenie* [The Unnoticed Generation]. Moscow: House of Russia Abroad named after Alexander Solzhenitsyn: Russian way. (In Russian)

Volkov, S. (2012). *Dialogi s Iosifom Brodskim* [Conversations with Joseph Brodsky]. Moscow: Eksmo. (In Russian)

Received on 10 September, 2016